

Копипаста: Мечты — Lurkmore

Простыня текста из влажных фантазий.

1

И когда ты мечтаешь о ней, лежа на смятой простыне в прокуренной комнате, кто-то грязно пользует ее божественное тело. Может, ей даже противно. Ну да, может, ей даже противно. Но она все равно никогда не узнает о тебе, потому что ты будешь лежать на смятой простыне в прокуренной комнате и мечтать. Душа паладина в цыплячем теле труса.

Это реальность. На самом деле мечты не существует — существуешь лишь ты и этот мир. Никакого солипсизма, никаких попыток убежать от реальности — будет только лишь еще больше. Каждый день все глубже и глубже загонять себя в безвылазное дерьмо, и каждый день все больше и больше мечтать. Разумеется, ты будешь думать о своей Богине только хорошее. Что она не такая, как все, что она тоже ненавидит серую массу людей, что она умная, начитанная, нежная и верная. И почему-то ты будешь думать, что все эти качества должны быть рядом с тобой. Почему? Ты ничего не стоишь. Как я уже и говорил, душа паладина в цыплячем теле труса. Мечты? Они кажутся спасением, но на самом деле они самый опасный на свете яд. Медленнодействующий, вкусный и незаметный. Ты стоишь на балконе с сигаретой, смотришь в грязное ночное небо, и мечтаешь. Ты рыцарь, принц, спаситель всей вселенной, тебя любит самая лучшая, та самая единственная девушка... Но вот пальцы обожгла докуренная сигарета, ты шипишь, стряхиваешь ее на балкон и возвращаешься в холодную комнату — никому не нужный, одинокий и грустный.

И так день за днем. Полу-друзья, полу-знакомые, может быть — полу-подруги. Время, как говорят, лечит. Острые воспоминания, чувства и порывы будут медленно покрываться пылью опыта и цинизма, и ни на что, кроме работы и выживания, времени не останется. Ты будешь свысока смотреть на тех, кем был ты раньше — на молодых отчаянных романтиков, которые борются с ветряными мельницами. Борются без смысла, просто ради самой борьбы. А потом однажды ночью перед сном ты вдруг вспомнишь ту самую девушку, Богиню из детства. Твое сердце, покрытое броней цинизма и ядовитого реализма, вспомнив ее, поначалу не шелохнется. «Пф, что за бред, я впадаю в детство? Что за ерунда, мне ведь еще только 32» Ты перевернешься на другой бок и попытаешься уснуть. Но сна не будет — внезапно ты начнешь вспоминать то, что было, думать о том, что есть, и размышлять о том, что могло бы быть. В твоей голове будет раз за разом всплывать вевшийся в память навсегда образ твоей бывшей любви. Считать овец, читать книжку, запустить компьютер и бесцельно пошариться по паре форумов в надежде найти что-то важное — все бессмысленно. Три ночи, а ты не спишь. И тогда ты откроешь балконную дверь, достанешь из пачки сигарету и выйдешь в одном халате к темному зимнему небу. Как тогда, в детстве. Ты попытаешься помечтать. Представить себя принцем, рыцарем, героем, спасшим вселенную, или же счастливым избранником той самой, единственной девушки. Но циничный разум пресечет первые же попытки. Представив себя на белом коне и в доспехах, ты отчего-то начнешь ехидно смеяться, смех будет разрастаться и переходить в хохот. А когда через 5 минут хохота твой палец обожжет догоревшая сигарета, ты внезапно замолчишь и почувствуешь, что твое лицо мокрое. И слезы — вовсе не от смеха.

Ты закуришь еще одну и помотришь в небо. «Может, все-таки было бы лучше, если бы я тогда к ней подошел и все рассказал? Что не могу без нее жить, что люблю ее, что пишу о ней в пустом и сером дневнике на diary....» Накатит цинизм — «Да, и вы бы поженились, трах, дети, гниение, ненависть, ололо» Ты подумаешь еще и решишь, что цинизм здесь не нужен. Лучше помечтать еще, как тогда, раньше.

Луна, такая же, как и сейчас. И темный парк. Ты, страшно стесняясь, пригласил ее погулять вечером. Час мылся в душе, брился, опрыскался дезодорантом, чтобы ей понравилось. Вряд ли она оценит это, но так ты чувствуешь себя увереннее. Ты стоишь у скамейки и куришь уже третью сигарету — придя за полчаса до назначенного срока, ты так и не смог перестать волноваться и бояться непонятно чего. Наконец появляется ее фигурка — она в своей любимой белой курточке, в джинсах и с зонтиком идет в твою сторону. В твоей душе бурлят чувства — хочется то убежать домой, то броситься ей навстречу и целовать ее ноги. Но ты собираешь всю оставшуюся в себе волю и стоишь на месте, не замечая, что сигарета скоро начнет жечь пальцы Она подходит к тебе. «Привет! Ужасный дождь, правда? Давай ко мне под зонтик». Ты выдавливаешь из себя что-то вроде «Привет, здорово выглядишь» и становишься рядом с ней. Она берет тебя под руку и вы медленно идете вглубь парка — туда, где сейчас нет никого, кроме дождя. Ты хотел бы сказать ей, что ты обожаешь дождь, что под дождем мир кажется таким плоским и серым, что мечтать становится намного проще. И еще ты хотел бы сказать ей, что иногда тебе хочется надеть ботинки, накинуть куртку и рвануть под проливной ливень — бегать и не замечать никого вокруг, подставлять лицо каплям с неба и хохотать от непонятного счастья. Да, ты хотел бы рассказать ей все свои мечты. Но тут на тебя накатывает твой тогда еще маленький и хиленький, но вполне оформившийся цинизм — ведь ты уже год как на дваче. «Ороро, глупая влюбленная школота, давай, расскажи ей про свои психические отклонения. Травля в школе обеспечена, лол. Да и сама она сразу пошлет тебя куда подальше» А, мне плавать. Будь что будет. И ты медленно, подбирая каждое слово, начинаешь — «Знаешь, а я люблю дождь...»

Она повернет к тебе свое прекрасное лицо, которое ты хотел бы целовать, пока твои губы не засохнут и не

превратятся в куски омертвевшей плоти: «Любишь дождь? Да, я тоже его люблю. Иногда кажется, что он смывает все плохие мысли, как проточная вода. В детстве мама рассказывала мне, что если встать перед краном, включить холодную воду и думать о том, что тебя беспокоит, то вода унесет все плохие мысли. Ой, наверное, это смешно звучит... Я как ребенок, да?» Ты переполнен радостью и тебе слегка стыдно — то, что побоялся сделать ты, сделала она. «Как ребенок? Знаешь, иногда лучше быть ребенком, чем очерстевшим и бесчувственным циничным взрослым» И ты рассказал бы ей все. И было бы как в сказке — любимый человек рядом, держит тебя под руку, вы болтаете о вещах, понятных вам одним. И ты восхвалял бы себя за то, что не испугался к ней подойти. А что было бы дальше? Как поется в одной песне, «Давай не будем завершать, картину нашу бросим так, оставив смутные мазки»

Ноги в резиновых тапках давно замерзли и во рту стоит противный кислый привкус сигарет. Ты чувствуешь себя выжатым, как лимон. Дрожащей рукой кидаешь с балкона окурки,ходишь в комнату и бессильно валяешься в кровать. Сон все не идет. Ты делаешь себе чашку кофе и садишься к компьютеру. Если бы дело было лет эдак 20-25 назад, ты бы зашел на два. Но два, увы, давно нет — очередной судебный иск достиг-таки своей цели. Да и ты уже слишком изменился... Внезапно ты вспоминаешь про старый дневник на diary, за полминуты находишь его в гугле (чудо, что его еще не удалили) и начинаешь читать с самого начала в надежде еще раз прикоснуться к чему-нибудь тому, старому. Мгновенно, с первых же строчек, вмешивается цинизм: «Ороро, спермотоксикозная школоты. Не дают бабы, понятное дело, надо поплакаться в днюке. Фу, жалкое зрелище» И внезапно ты понимаешь, что этот цинизм — самое жалкое зрелище на свете. Трусливая защита от собственных чувств, желаний и эмоций, обезьянья тяга к рационализму — как бандерлоги играли в собрания на развалинах древнего города.

Но знание пришло слишком поздно. И тринадцать лет назад, когда тебе казалось, что ты становишься сильным и независимым, ты просто подписал себе смертный приговор. Тебя убили именно цинизм и рациональность — ты радостно принес им в жертву жизнь. Теперь уже не нужно заставлять себя мечтать — чувства появляются сами вместе со слезами бессилия на глазах. Рука до боли в костях сжимает невинную мышку, голова падает на стол, а плечи сотрясаются в рыданиях. Что же я наделал...

И снова появляется то самое чувство, которое ты так ненавидел еще вчера, и которое так долго гасил в себе — желание бежать куда-то, рвать, бороться, драться, пробиваться к мечте. Только теперь оно уже не нужно — тебе осталось только догнать положенный себе срок. Когда ты понимаешь это, тебя начинает трясти от ужаса. Про сон уже можно забыть, ты одним глотком допиваешь кофе, лихорадочно натягиваешь куртку и выбегаешь на улицу. Куда идти? Неважно. Кажется, в сказках в таких случаях говорили «куда глаза глядят».

Ноги сами приводят тебя в тот самый парк. Стоп, почему «тот самый»? Ты же так и не пригласил ее туда. Хотя неважно, ты столько думал о нем, что для тебя он значит больше, чем любое место в жизни. С неба льет ливень — и чтобы хоть как-то успокоиться, ты скидываешь капюшон, подставляешь лицо дождю и начинаешь кружиться на месте, а потом срываешься и бежишь куда-то в глубь, к черным от дождя деревьям, которые так и не слышали ваших с ней разговоров. Та самая скамейка. Опять это «та самая»... Черт, это грустно. Ты закуливаешь и смотришь туда, откуда в твоих мечтах появлялась она. Мечты снова накатывают... «Она вдруг появляется, блаблабла, прошло много лет, но я всегда любил тебя, блаблабла, а я любила тебя, давай жить вместе, давай, долго и счастливо, в один день» Нет, даже тебе такой хэппи-энд кажется притянутым за уши и ненатуральным. Все не может закончиться так — это было бы слишком фальшиво.

Внезапно ты видишь, что к тебе действительно кто-то... Нет, хэппи-энда не будет. На этом рассказ заканчивается — реальность бывает правдивой даже в повестях. Через месяц ты узнаешь от бывших общих знакомых, что ее сбила машина. Насмерть. Ты будешь стоять с нетронутой стопкой водки на похоронах и внезапно поймешь, что она была такой же, как ты. Вокруг тебя будут чужие ей люди — все сплошь «знакомые знакомых». Никто не будет плакать у гроба, никто не будет заламывать руки, никто не будет неумело запивать горе водкой. Все будут чувствовать себя неловко и куда-то торопиться, и через час почти все гости уже разойдутся, торопливо попрощавшись с остальными. Тогда ты подойдешь к гробу и последний раз взглянешь в лицо той, с которой у тебя ничего не было. Никаких рыданий. Никаких эмоций. Да и зачем? Теперь уже ничего не важно.

2

Хочу высказаться относительно ангелов и их ебарей, и немного подбодрить задротов, и просто боящихся подойти к девушке в определенный момент, и незатейливо побеседовать.

Вот вы все здесь беспокоитесь, мол, да, я — никчемное красноглазое говно, девушки-богини никогда не удостоят меня хотя бы единым взглядом, и втайне тихонько плачете от того, что ту самую богиню-тян ебет какое-то быдло, быдло, зачастую неспособное написать хоть одно предложение без орфографических и пунктуационных ошибок, быдло, которое убеждено, что все люди, заинтересованные в компьютерной и информационной сфере, непременно являются программистами, быдло, которое не может даже осуществить в уме элементарное сложение трехзначных чисел. Быдланы, горячо убежденные, что сиски — это ВСЁ, а фильм «Zeitgeist» глаголит непреложную истину, исходя лишь из того, что его показ вроде бы как воспретили. И именно, они, они, а не вы, новое поколение сверхлюдей с уникальными способностями интеллекта, готовые доставлять бесконечные ласки и приятности своему Ангелу, они, однополушарные альфы, могущие похвастаться лишь гривой черных волос, ниспадающей на мускулистую грудь, и ничем, блядь, больше, сука, ничем (!), они ебут, нагло и без тени смущения поябывают вашего

Ангела, а она лишь тоненько постанывает и подвигивает своей похотливой попкой в такт упругому узловатому молодецкому члену.

А глядя на вас, таких умных, интеллектуальных и грамотных, она всего лишь старается выдавить улыбку и бросает суховатый и скудный «привет.» в вашу сторону. Однако, несмотря на все это, ваша Богиня спустя несколько лет узнает, о, она непременно узнает, что тот альфа, за которого она вышла замуж, не интересуется ничем, кроме секса в миссионерской эгоистической позе и спорта, с умилением вспоминая реминисценции школьных спортивных побед, пиво, и шлюх в подворотне, лстиво жмущихся к ним после. Они будут восседать на кресле, этакие окрякшие мужичонки, бывшие ранее грозой всего района и местной школы, и глядеть этот ебанный спорт, потягивая ягу, и восхваляя молодые славные года, проведенные в ПТУ. Они не способны сделать своей уставшей, измаявшейся на четырех работах, немного пополневшей, чуть с морщинками жене, эротический массаж, они не сумеют сделать ей куннилингус, поласкать язычком изнывающий от желаний анус.. Волосатое погрузневшее потное тело будет просто вставлять свою палку и ритмично, но донельзя тривиально побеивать свою женушку, а она, из жалости постанывающая и подмахивающая, будет с печалью вспоминать ТОГО САМОГО задротика, что когда-то, кажется уж в минувшем веке, глядел на нее восторженным влюбленными глазами и мнил ее богиней. А когда окрякший алкоголик-муж (тот самый бывший альфа), в своей пьяной горячке начнет нещадно бить по ебалу своей бедной женушке, то она попросту зарыдает, зарыдает, вспомня того самого задротика, с которым она, весьма вероятно, была бы счастлива, и приходя с работы, он бы с любовью массировал ее попку, поглаживал спинку, плечи, увлеченно и мягко покрывал поцелуями колечко ануса. Слезы будут капать на грязную кафельную плитку, а в них, точно отражение из прошлого, возникнет образ того самого молодого человечка, беззаветно любящего ее. И вот, кое-как отпросившись у строгих начальников с работы на один день, в ущерб и без того скудной зарплате, она вдруг позвонит вам в дверь, да, вы наконец-то услышите звонок, тот, о котором вы так долго в годы своей задротской юности горевали и печалились, отлично понимая, что его не будет НИКОГДА..

Перед вами предстанет Ваш Ангел, Ваша Богиня юношеской эпохи. Теперь это уже не та милая улыбчивая девушка, что раньше восторженно и умиленно обнимала всех, почти всех, кроме ТЕБЯ в знак приветствия, с непреходящей искоркой во взоре. Ныне её лицо уже покрылось мелкой сетью морщинок, слегка осунулось, и в глазах поселилась какая-то грустинка. Она обовьет тебя своими руками, поцелует в щечку, но ты, глядя на ее уже отвислые дрябловатые груди, на ее лицо, торопливо прикрытое косметикой, на пожелтевшие, уже начинающие загнивать, зубы, лишь холодно процедишь «здравствуй». Она начнет мило и увлеченно тебя спрашивать обо всей твоей жизни, наивно полагая, что ты холоден лишь от смущения, постепенно начнет склоняться все ближе и ближе к тебе. Но внезапно ты объявляешь, что тебе в срочном порядке нужно заняться каким-то там кодерством, и лишь бездушно, закутавшись в плотный слой равнодушного цинизма, произнесешь, мол, нужно было в прошлом относиться ко мне нормально, не взирая на меня, точно на говно, и столь же равнодушно спровадишь ее входной двери квартиры, и запрешься в своей комнате.

Она же похлипывая, оденется, и поплетется медленным шагом по залитой теплым весенним солнышком улице, периодически судорожно утирая стареньким платочком накатывающие слезы, вспоминая своя алкоголика-муженька, который, верно, вновь поколотит ее сегодня вечером за пропуск мерзенькой работенки, банальную и окончательно опостылевшую миссионерскую позу, где муж кончит за пять минут, как обычно, не заботясь об оргазме и удовлетворении жены. По пути ей повстречается нищеврод, который, открывая омерзительную смердящую пасть, попросит у ней денег, противно подавая свои мелко трясущиеся от жадности и, одновременно, никчемности, грязные вонючие ладони. Она внезапно чуточку пожалеет его, сиротливо выгребет из кошелька несколько бумажек, и, отдавая поменьше, случайно отдаст и купюру большим номиналом, грустно и неуверенно попросит её обратно, на что бомж разразится грязным матом, обзовет ее жадной шлюхой, со злостью и неловко пнет то место, где она только что стояла. Далее она увидит компанию из юношей и девушек, среди них приметит задротика, что с любовью взирает на одну стройную и улыбчивую девушку, которая, впрочем, дарит свои улыбки не ему, а вон тому спортивному белозубому пареньку. Она тихо сядет на скамейку, попытается побеседовать с тем самым задротиком, что-то рассказывая о трудной жизни, попеременно утирая бегущие слезы ветхим платком, а задрот, будучи уже пропитанным суровым цинизмом истинного битарда Двача, недоуменно изречет: «ЛОЛШТО?». И она, вдруг поняв, что ничего уже не изменить, встанет со скамейки, и отправится уже не домой, не к опротивевшему алкоголику и провонявшей пивом квартиру, а в благодатный свежий лес, который станет ее последним пристанищем в этой жизни. Уткнувшись носом в слой жухлой травы, она уже не сможет даже рыдать, а просто беззвучно пролежит до наступления ночи и внезапного похолодания, а в голове у нее с непомерной горечью будут проноситься моменты ее прекрасной молодости, где ее сношали все эти спортивные белозубые парни, а она увлеченно подмахивала попой им в такт, и на эти воспоминания будет накладываться слой давящей, сминающей душу, реальности.

Утренняя птица, призывно воспев свой клич, опустит свой взор вниз и увидит какое-то скрючившееся тельце посреди прошлогодней мерзлой травы, равнодушно взглянет на него и беззаботно унесется прочь, в сторону прекрасного восходящего солнца, оставляя за своими крыльями и эту женщину, бывшую когда-то богиней, и циничных битардов с их Двачем, и пьяного в усмерть вдовца этой женщины, озлобленного, в душе обиженного красноглазика и всех-всех..

Часть 1

Мило. Помню, лет в 20 мне снился маленькая эльфиечка. Это была светлая чистая любовь... Я её любил, она меня любила. Я её гладил, ласкал, щекотал. Нам было хорошо....

Мне её хотелось, но я сдерживался. И вот она однажды спросила грустно: «надо?». Я не выдержал, и сказал «да». У нас был секс, а потом она ушла. И больше я её не видел. Было очень больно и грустно, мерзко и плохо. Я проснулся, и понял, что всё.

И потом через 2 года я наткнулся на двач. Где много таких — выебавших свою мечту. В последний раз.

Часть 2

Мечта может и была. Только где она? Какая нахуй светлая любовь, если любой битард знает какого цвета прямая кишка и что в пизду можно засунуть голову здорового мужика?

Какая мечта, если мы уже обдрочились на всех рейголдовских девочек, кдвшных мальчиков, когда чтобы по-настоящему завестись нам надо видеть, как реально ебут сопротивляющегося и плачущего ребёнка?

Мечта — она тогда. А мы говно — и сейчас.

Читать ещё

- [Portal](#)